

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

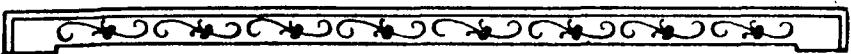
И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ИСЛАМ В ИРАНЕ
в VII—XV веках

(КУРС ЛЕКЦИЙ)



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1966



*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Книга ставит целью ознакомить читателей с источниками и историей ислама, развитием исламского вероучения, мусульманского права, суфизма, сект и народных оппозиционных движений в исламе, главным образом шиизма

Книга рассчитана на студентов восточных факультетов, а также на всех интересующихся историей религий.

Отв. редактор проф. В. И. Беляев

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу настоящей книги легли лекции, читанные автором на восточном факультете Ленинградского государственного университета (спецкурс). Книга задумана как учебное пособие по истории ислама, истории Ирана и сопредельных стран, их культуры и идеологических учений. Книга рассчитана прежде всего на студентов восточного, исторического, филологического, философского и юридического факультетов университетов и педагогических институтов, а также на аспирантов и преподавателей исторических и других гуманитарных дисциплин и на читателей широкого круга, интересующихся историей и культурой стран Передней и Средней Азии.

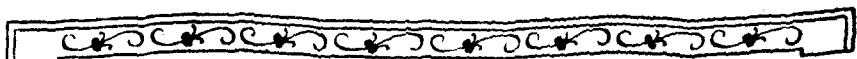
Автор ставил своей целью дать в сравнительно кратком изложении выводы науки наших дней и ознакомить читателя с современным состоянием изучения проблемы. Книга, таким образом, основана на результатах исследований исламоведов, частью (в основном гл. XIII) непосредственно на источниках (см. библиографию). Недостаток пособий и научно-популярной литературы на русском языке побудил автора дать в книге освещение и общих вопросов исламоведения, каковы возникновение ислама, происхождение Корана и хадисов и т. д.; ознакомление с этими общими моментами истории ислама необходимо для понимания исторической роли ислама на почве иранской культуры. Книга освещает историю обеих главных ветвей ислама — как суннитской, так и ши'итской: обе эти ветви были представлены в средневековом Иране. До создания ши'итского Сефевидского государства население Ирана было по крайней мере наполовину (если еще не более) суннитским и суннизм был государственным исповеданием почти всех феодальных государств Ирана; ши'изм же служил идеологической формой многих народных и оппозиционных движений, начиная со второй половины VII и до начала XVI вв., когда при Сефевидах стал

государственным исповеданием. Исламизация Ирана после арабского завоевания и победа ши'итского сефевидско-кызылбашского движения являются начальной и конечной вехами описываемого в настоящей книге периода.

Конечно, развитие как суннитской, так и ши'итской ветвей ислама и отдельных их течений происходило в условиях широкого международного общения стран, в которых господствовал ислам; течения, зародившиеся на арабской почве (например, пантеизм Ибн ал-'Араби), оказывали сильнейшее влияние на иранцев, и, напротив, идеи деятелей иранского происхождения (например, доктрины ал-Матуриди и ал-Газали) распространялись среди арабов. Рассматривая разные течения ислама в аспекте международных связей, автор, однако, останавливается только на явлениях, которые так или иначе отразились в истории Ирана. Поэтому в книге не освещаются такие движения, как альморавидское или альмохадское, целиком происходившие вне Ирана. Равным образом не упоминаются здесь секты и движения немусульманского происхождения (хуррамиты, йезиды), а также течения и движения, относящиеся ко времени позднее начала XVI в., каковы шейхитское, бабидское и др.

Учитывая общее назначение книги как вузовского пособия, автор дал облегченный аппарат ссылок на источники и пособия. Полные библиографические данные приведены в библиографии. При ссылках на источники имеются в виду подлинники, ссылки на переводы специально оговорены. По техническим причинам оказалось невозможным дать точную транслитерацию арабских и персидских имён и терминов в тексте книги. Точная транслитерация дана лишь в указателе терминов. Названия этнические и племенные даны со строчной буквы, а имена родовые и династийные и нисбы (прозвания по месту происхождения и т. д.), — с заглавной. Отступления от принятой системы транслитерации допущены в некоторых именах и терминах, для которых сохранена укоренившаяся в русской литературе форма (Ахмед, 'Омар, 'Осман, эмир, казий, дервиши, медресэ и др.). Хронологические даты всюду даны по нашей эре (н. э.), лишь особо важные даты — также и по хиджре. Коран в основном цитируется по новейшему переводу акад. И. Ю. Крачковского (см. библиографию).

Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность ответственному редактору книги проф. В. И. Беляеву, а также проф. А. Н. Болдыреву, А. М. Голдобину, Л. Е. Куббелю, А. Г. Лундину, проф. А. Д. Новичеву, Л. В. Строевой, участвовавшим в обсуждении настоящей книги, своими критическими замечаниями и советами помогшими улучшить ее, и Н. А. Петровой, помогавшей автору при составлении библиографии и указателя терминов.



ВВЕДЕНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСЛАМА

Возникновение ислама в Аравии в начале VII в. тесно связано с формированием классового общества и с началом сложного социально-политического движения у северных арабов. Ислам стал идеологической оболочкой движения, приведшего к созданию арабского государства и к его военно-политической экспансии вне пределов Аравии. Это социально-политическое движение, которое К. Маркс назвал мусульманской революцией,¹ а Ф. Энгельс — религиозной революцией Мухаммеда,² вскоре привело к включению в состав арабского государства (халифата) и к исламизации Ирана, стран Средней Азии и Закавказья, как и прежних византийских областей восточного и южного Средиземноморья. Таким образом, это движение, идеологией которого был ислам, быстро получило международный характер. В частности, оно оказало огромное влияние на дальнейшую историю Ирана и сопредельных стран.

Социальный строй доисламской Северной Аравии еще мало изучен. Пока несомненно лишь то, что к началу VII в. в северных областях Аравии уже происходил процесс распада патриархально-общинного строя и сложения классового общества. По вопросу о том, какое это было классовое общество, советские ученые высказали две точки зрения.

Согласно первой из этих точек зрения, наряду с существовавшим еще ранее рабовладельческим обществом на юге Аравии в VI—начале VII вв. происходило сложение рабовладельческого уклада в области Хиджаз, в районах Мекки и Медины, лежавших на трансарабском караванном пути. Во внутренней

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 221.
² См. там же, стр. 210.

Аравии, в основном скотоводческо-кочевой стране, разложение патриархально-общинного строя происходило гораздо медленнее, хотя и здесь сложились предпосылки классообразования: появились знать и богачи — обладатели земель, крупных стад и рабов-пленников, нередко принимавшие участие в караванной торговле, и бедняки, но сохранившие свою свободу. Рабовладельческий уклад у арабов не развился в господствующий способ производства, поскольку позднее, после обширных завоеваний VII в., арабы были втянуты в общий процесс феодализации, происходивший уже интенсивно в названных выше странах Передней Азии. Но поскольку в этих странах ко времени завоевания не исчез еще и рабовладельческий уклад, он не исчез и у арабов, а, напротив, на время получил еще большее развитие после завоеваний. В общем феодальные отношения в арабском обществе сложились после больших завоеваний первой половины VII в., рабство же сохранилось у арабов в виде уклада.

Согласно изложенной точке зрения, предпосылкой возникновения ислама был процесс разложения патриархально-общинного строя и сложения рабовладельческого уклада в Хиджазе. Лишь после завоеваний ислам постепенно развился в религию феодального общества. Изложенная точка зрения разрабатывалась на базе первоисточников в работах Е. А. Беляева (Москва),³ она нашла отражение и в работах других советских ученых: А. Ю. Якубовского и С. П. Толстова.⁴

Согласно второй точке зрения, как на юге Аравии, так и на севере ее, где интенсивно шло разложение патриархально-общинного строя, уже складывались раннефеодальные отношения, которые стали господствующими здесь еще до больших завоеваний VII в. Поэтому, согласно второй точке зрения, ислам с самого начала был религией складывавшейся феодальной верхушки арабского общества. Эта точка зрения высказывалась — правда, в общей, тезисной форме, без подробной разработки проблемы — Н. В. Пигулевской⁵ и (более решительно) Н. А. Смирновым.⁶ Более подробную разработку вопроса с этой

³ См.: Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. См. также: Е. А. Беляев. Образование арабского государства и возникновение ислама в VII веке. Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. М., 1954; Е. А. Беляев и А. Ю. Якубовский. Аравия к началу VII в. В кн.: Всемирная история, т. III, М., 1957, гл. VII.

⁴ См.: А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII и IX вв. Труды Первой сессии арабистов, М.—Л., 1937; С. П. Толстов. Очерки первоначального ислама. М., 1932; Его же. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Известия ГАИМК, вып. 103, 1934; Его же: По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 318 и сл.

⁵ Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 403.

⁶ Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, стр. 181 и сл.

точки зрения мы находим в серьезной и обстоятельной статье молодого ученого Л. И. Надирадзе (МГУ), написанной на основании первоисточников;⁷ автор приходит к выводу о слабом развитии рабского труда в Аравии до ислама; не высказываясь прямо о характере севераарабского общества начала VII в., автор склонен видеть в таком явлении, как издольная аренда земель, предпосылку будущих феодальных отношений здесь.

Пишущий эти строки разделяет первую из изложенных точек зрения. Однако мы отдаем себе отчет в том, что в целом сложная проблема социального строя доисламской Аравии разрабатывалась еще далеко не достаточно. Поэтому обе указанные точки зрения пока могут иметь значение только рабочих гипотез, и окончательное решение проблемы остается делом будущего. Несомненно во всяком случае одно: возникновение ислама было отражением процесса разложения патриархально-родового строя и появления предпосылок классообразования у северных арабов; острое проповеди ислама было направлено прежде всего против этого отмиравшего строя, его морали и идеологии — староарабского язычества.

Об общественном строе доисламской Аравии и об истории возникновения ислама существует обширнейшая исследовательская литература,⁸ преимущественно представленная трудами западных ученых: Т. Нёльдеке, Р. Дози, Снук-Хюргронье, Ю. Велльхаузена, К. Беккера, И. Гольдциера, Х. Гримме, Л. Каэтани, Д. Марголиуса, А. Ламменса, Т. Андрэ и др.⁹ Поскольку изучение истории арабов и первоначального ислама на арабской почве не является задачей настоящей книги, мы здесь лишь очень кратко остановимся на этих предметах, отсылая читателя для более подробного ознакомления к упомянутой литературе.

Арабские племена по этническому происхождению делились на южноарабские, или юеменитские (группы кахтан и кахлан), и севераарабские (группы мудар и раг'а), делившиеся в свою очередь на племена и роды; многие южноарабские племена давно переселились на север. К началу VII в. наибольшая часть северных арабов оставалась кочевниками, разводившими главным образом верблюдов (которые имели большое значение для караванного транспорта и для войны как верблюжья кавалерия), а также коз, овец; лошадей было мало, и они были дороги. Земледелие в Северной Аравии носило оазисный характер; возделывали ячмень, финиковую пальму, виноград и плодовые деревья. Пастбища находились в общинном (родовом) владении, а скот, рабы и земельные участки — уже в индивидуальном вла-

⁷ Л. И. Надирадзе. К вопросу о рабстве в Аравии в VII в. В сб.: Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока. М., 1960.

⁸ На русском языке, помимо указанных, см. особенно труды В. В. Бартольда и А. Е. Крымского (см. библиографию).

⁹ См. библиографию.

дении. Деление на племена и роды сохранялось, но внутри них уже существовало имущественное расслоение.

Параллельно западному побережью Аравии из богатого Йемена через Хиджаз в Сирию шел караванный путь, по которому византийские области (Сирия, Палестина и Египет) вели транзитную торговлю с Эфиопией и Индией при посредстве Йемена. После захвата Йемена сасанидским Ираном (после 572 г.), цари которого стремились направить транзит индийских товаров в Византию через Иран и не допускать транзита через Йемен, торговля по этому пути сократилась. Это обстоятельство, а также социальное расслоение и рост противоречий внутри племен вызвали социально-экономический кризис в Аравии.

На караванном пути из Сирии в Йемен, в области Хиджаз, лежала Мекка. Ее упоминает уже во II в. греческий географ Птолемей под именем Макораба. Это название произошло от южноарабского слова *макраб* — «святилище», ибо здесь находилось одно из самых почитаемых языческих святилищ доисламской Аравии; во времена Мухаммеда оно было известно под именем Ка'ба. Это святилище в течение зимних месяцев привлекало массы богомольцев из разных частей Аравии; одновременно здесь происходила ярмарка, на которой кочевники (бедуины) обменивали продукцию своего скотоводческого хозяйства (кожи, шерсть, скот) на зерно, финики и на продукцию городского ремесла. Мекка также служила перегрузочным пунктом и складочным местом на караванном пути из Сирии в Йемен.

Мекка расположена в голой, бесплодной и безотрадной местности. Земледелие непосредственно в окрестностях Мекки было невозможно.¹⁰ Жители ее, помимо торговли, занимались ремеслами и оседлым скотоводством. Но неподалеку от Мекки находился плодородный оазис Таиф с обширными садами и виноградниками, населенный племенем сакиф. Многие богатые мекканцы владели в этом и других оазисах участками обработанной земли.

В начале нашей эры в Мекке жило североарабское племя курейш (из группы мудар). Город состоял из кварталов, заселенных отдельными курейшитскими родами. Участие Мекки во внутренней и внешней торговле привело к большому накоплению богатств в городе, а вместе с тем и к большому имущественному неравенству. Среди курейшитов были очень богатые роды, занимавшиеся торговлей и ростовщичеством; таков был богатейший род Омейядов. Были и бедные роды, занимавшиеся мелкой торговлей, ремеслами или скотоводством; таким был и род Хашимидов (бану Хашим), из которого происходил основоположник ислама Мухаммед. Имущественное неравенство существовало и внутри родов.

В Мекке во времена ислама существовал рабовладельческий

¹⁰ О неплодородии долины Мекки говорится и в Коране (XIV, 40).

уклад. Купцы-рабовладельцы имели много рабов, которые были заняты не только в доме (в качестве слуг), но и в производстве: они пасли стада своих господ и обрабатывали их поля и сады, расположенные в близких оазисах. Рабами были чужеземцы, преимущественно эфиопы и негры, обращение с ними господ, как показывают некоторые факты из биографии Мухаммеда, нередко было жестоким.

Мекканцы участвовали в транзитных караванах из Йемена, и сами раза два в году снаряжали и отправляли караваны в Сирию. Доход купцов никогда не был меньше 50% их вкладов в торговлю, иногда он доходил до 100%. Предметами вывоза из Мекки в Сирию были: сырье и обработанные кожи, серебро в слитках из рудников Аравии, лучший изюм из оазиса Таиф, финики; предметами транзита через Мекку были: из Йемена — ладан, алоэ, сandalовое дерево, кассия, также дубленые кожи; из Африки — золотой песок и темнокожие рабы и рабыни; из Индии — корица, перец и прочие пряности и ароматические вещества, слоновая кость, ценные ткани. Сбыв все это в Сирии, мекканские купцы вывозили оттуда византийские шелковые и шерстяные ткани, пурпурные ткани из овечьей шерсти, сукна, стеклянную посуду, металлические изделия, оружие и предметы роскоши, а также оливковое и прочее растительное масло и зерно; масло и зерно сбывалось бедуинам на мекканской ярмарке.

О размерах торговли, которую вели мекканские купцы, может говорить такой пример: караван, снаряженный мекканцами для отправки в Сирию зимою 624 г., был нагружен товарами стоимостью в 50 тысяч золотников (мискалей), из которых на 40 тысяч было товаров, принадлежавших разным членам рода Омейядов и другим крупнейшим богачам. С караванами ходили многие сотни хорошо вооруженных людей: помимо купцов, проводники, погонщики верблюдов и наемные отряды стражи из бедуинских (кочевых) племен. Мекканские купцы занимались также ростовщичеством, причем взимали от 50 до 100% за ссуду («динар за динар»).¹¹

В Мекке существовали еще только зачатки полиса (самоуправляющегося города-государства) и государственной власти. Каждый род управлялся самостоительно. Не было установленных органов государственной власти — суда и полиции, не было и тюрьмы. Время от времени в особом доме на площади близ Ка'бы, называвшемся *дар ан-надва* (ар.) — «дом собрания», для решения дел, касавшихся разных родов, собирался совет родовых старшин — шейхов (*мала'*). Но этот совет не располагал никакими средствами принуждения, чтобы заставить непокорных подчиниться своим решениям.

¹¹ Много фактов относительно экономической жизни Мекки начала VII в. сообщается в кн.: H. Lamens. La Mecque à la veille de l'hégire. См. также: A. von Klemm. Kulturgeschichte des Orients, т. I, гл. II.

Километрах в трехстах к северу от Мекки лежал Иасриб (у греков Иатриппа), со временем ислама известный под именем Медины (ар., «город»). В начале VII в. Медина представляла собой земледельческий оазис с пашнями, садами и виноградниками. В оазисе находилось пять поселений особых племен. Племена аус и хазрадж были языческими, а три других исповедовали иудаизм.

Разложение патриархальной родовой общинны, развитие частной собственности на землю и имущественного неравенства, углубление противоречий между знатью и рядовыми членами племен глубоко потрясли области Северной Аравии, вызвали брожение в ней. Создались предпосылки для образования классового общества. Чтобы выйти из состояния кризиса, необходимо было создать общеарабское государство, а следовательно, и преодолеть племенную разобщенность и вражду. Для этого нужна была новая идеология. И поскольку средневековое общество, как указал Ф. Энгельс, знало «только одну форму идеологии: религию и теологию», то этой новой идеологией должна была стать новая религиозная система. «... По поводу христианства и ислама можно сказать, что общие исторические движения принимают религиозную окраску».¹²

Вот почему появление в Аравии, а вслед за тем и на мировой арене новой религии, одной из трех так называемых мировых религий — ислама не было результатом только проповеди одного человека — Мухаммеда. Основа для зарождения новой религии была материальная, социально-экономическая. Разрушалось староарабское патриархальное общество с его родоплеменной организацией, племенной рознью и враждой. Вместе с этим обществом должно было пасть и старое, примитивное язычество с его астральными, анимистическими и племенными божествами и культом. Его должна была заменить новая религиозная идеология, основанная на единобожии, на утверждении религиозной общности и «братьства» в противовес племенной розни. Только такая идеология и могла стать руководящей идеей нового общеарабского государства.

Отражая потребности нового, формировавшегося общественного строя, новая религия, однако, не могла сложиться, не взяв элементов из других религий, развитых религий соседних, уже классовых обществ. Этими элементами были заимствования из иудейства, христианства, зороастризма, в меньшей степени из манихейства и гностицизма;¹³ кое-что, главным образом из об-

¹² Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 294.

¹³ Гностицизм (от греч. γνῶστος — «познание») — общее наименование многих учений и сект первых веков нашей эры, соединявших воззрения христианства (без ветхозаветного элемента его) с мифологией восточноэллинистического язычества и с некоторыми идеями философских систем платоников, пифагорейцев и неоплатоников.

рядовой практики, вошло в ислам и из староарабской религии (ее потом мусульмане называли *джахилийа* — ар., букв. «незнание», «варварство»).¹⁴

Одним из наиболее почитаемых североарабских святилищ (хотя далеко не единственным) была упомянутая уже Ка'ба в Мекке, создавшая славу и влияние этому городу. Она представляла собой попросту обнесенный стеной прямоугольный двор в ограде помещались «идолы», точнее, бетили (*бейт иль* — семит., «дом бога») разных божеств — вертикально поставленные камни. Согласно преданию, здесь было 360 таких «идолов», представлявших весь пантеон северных арабов; здесь же находился «черный камень», уцелевший и после ислама. Обладание Ка'бой доставляло знатным курейшитским родам значительный религиозный авторитет. Отдельным родам были присвоены культовые функции во время исполнения церемоний ежегодного зимнего паломничества. Наряду с верой во многих богов, а также джиннов (демонов) у северных арабов существовало уже представление о верховном боже, которого называли Аллах (сокращенное ар. *ал-илах* — «бог»; *иль* — общесемитический корень для обозначения понятия бога) и Аллах *та'ала* — «всевышний бог». Представление о нем было очень общим и неясным. Какой-либо развитой мифологии, подобной древнегреческой, у арабов не было.

Процесс разложения патриархально-общинного строя должен был вызвать упадок соответствовавшей этому строю религиозной идеологии — староарабского политеизма. Стремление к новому мировоззрению вызвало распространение среди арабов, как северных, так и южных, развитых религий соседних стран, уже вступивших тогда на путь феодального развития.

Первой из иноземных монотеистических религий, утвердившихся на арабской почве, был иудаизм. Его принесли с собой еврейские эмигранты из Римской империи. Главными центрами иудаизма в Аравии стали города Йемена, а также оазисы северного Хиджаза, особенно Иасриб (Медина), где, как было сказано, три племенных поселения исповедовали иудаизм, и Хайбар — оазис к северу от Медины; иудеи жили также в оазисе Таиф; в качестве купцов они нередко посещали и Мекку. Иудеи в Аравии были купцами, ремесленниками и земледельцами в оазисах.

Вслед за иудейством в Аравию проникла и вторая монотеистическая религия — христианство. Оно проникало в Аравию тремя путями: 1) из Сирии через посредство арабов Гассанидского царства, принявших со своими царями христианство монофизитского толка в конце V в.; 2) через Хиру, столицу арабского Лахмидского царства; 3) с юга, из Эфиопии, где в Аксумском

¹⁴ О староарабской религии см.: J. Wellhausen. Reste arabischen Heidentums; I. Goldziherg. Muhammedanische Studien, т. I, стр. 219 и сл.

царстве христианство утвердилось еще в IV в. Наряду с иудейством христианство распространилось в Йемене. Г. Неджран на севере Йемена, насчитывавший свыше 20 тысяч жителей, к началу VI в. был сплошь заселен христианами, там были церкви и резиденция епископа.

Христианство распространялось и в других местностях Аравии, например в области Йемама, к востоку от Неджда, в центре полуострова (там также была церковь). Подобно иудеям, христиане в Аравии были земледельцами, ремесленниками и купцами, часто занимались торговлей вразнос по городам, оазисам и становищам бедуинов. В отличие от иудейства христианство принимали также и кочевники, притом целыми племенами (племена таглиб и намир, часть большого племени бакр). Христиане в Аравии принадлежали к разным толкам и сектам.

Какое именно из ответвлений христианства оказало влияние на первоначальный ислам? Среди христиан в Аравии, видимо, больше всего былоmonoфизитов, были также несториане, может быть, и православные (халкедониты, последователи постановления Халкедонского собора 451 г.). Но ни одна из этих трех главных ветвей христианства не могла быть той, из которой первоначальный ислам заимствовал некоторые элементы христианства. Дело в том, что все эти три христианские церкви признают божественную природу Иисуса Христа, хотя и в разных формулировках.¹⁵ Но по учению ислама, 'Иса ал-Масих (Иисус Мессия, т. е. Христос) был человеком — одним из великих пророков, непосредственным предшественником Мухаммеда, последнего из пророков. Такая вера ближе всего подходила к учению иудео-христиан, именовавшихся также эбионаитами (от евр. *ebionim* — «бедные»), — одной из наиболее архаических христианских сект.¹⁶ Эбионаиты в отличие от других течений христианства не разорвали первоначальной связи с иудаизмом. Они признавали обязательным соблюдение Моисеева закона, т. е. иудейской обрядности. Иисуса они считали человеком-пророком, посланным Богом мессией и спасителем, отрицали его божественную природу, как и догмат о троичности Бога. У них было свое Евангелие, так называемое «Евангелие от евреев» (*κατὰ Ἐβραίους*), на

¹⁵ По учению несториан (которых больше всего было в Месопотамии и Иране), личность Христа имеет две природы — человеческую и божескую, существующие «раздельно и несляянно», в двух лицах, между которыми лишь относительное соединение; по учению халкедонитов (православных), в Христе две природы — божеская и человеческая, но существующие нераздельно и в одном лице; по учению monoфизитов (от греч. *μόνος* — «один» и *φύσις* — «природа»), в Христе только одна природа — божеская: у Христа во время его земной жизни был комплекс человеческих атрибутов, но не было человеческой субстанции. Monoфизиты были более всего распространены в Армении, Верхней Месопотамии, Сирии, Египте, Эфиопии. Христианство, проникавшее в Аравию из Сирии и Эфиопии, могло быть скорее всего monoфизитским.

¹⁶ Об эбионаитах см.: W. Beveridge. Ebionism, стр. 139—145. — Там же приведена библиография.

семитском (арамейском?) языке, не признанное официальной церковью и не дошедшее до нас. Есть основание думать, что христиане, с которыми встречался и беседовал Мухаммед в Мекке, возможно и в других местах, были именно иудео-христианами. Как кажется, иудео-христианином был крупный староарабский поэт-монотеист ал-А'ша (Абу Басир Маймун ибн Каис из племени кайс, ум. ок. 629 г.), сложивший незадолго до смерти хвалебную поэму в честь Мухаммеда и признавший его пророком.

Хотя в Аравии у христиан не было (кроме Хиры, области Гассанидов, Йемена и Омана) сильных и хорошо организованных церковных общин, зато было много отшельников-монахов, живших одиночками или группами в пустынных местах, например, в Сирийской пустыне, в долине Вади-л Кура в Хиджазе. Образ такого монаха (ар. *rahib*, мн. ч. *ruhaban*) встречается в произведениях староарабского фольклора. Мухаммеду эти христианские аскеты-пустынники были также известны; он отзывался о них с уважением.¹⁷

С зороастрийскими верованиями первые мусульмане могли познакомиться не только через посредство иудеев и христиан, усвоивших некоторые элементы зороастризма, но, как думает Игнатий Гольдциер, могли узнать о них и непосредственно от персов. В Аравии ведь бывали персидские купцы; персы жили и в Йемене. Зороастризм был распространен также в Бахрейне.

Помимо иудеев и христиан, в доисламской Аравии была еще группа монотеистов, не бывших ни иудеями, ни христианами, — так называемые ханифы (ар. *ханиф*, мн. ч. *хунафа'*). Этимология слова *ханиф* неясна; исследователи дают разные объяснения его первоначального значения.¹⁸ Дошедшие до нас известия о ханифах довольно скучны. По-видимому, ханифы испытывали на себе влияние иудейства и христианства, приняв квинтэссенцию обеих этих религий (вера в единого Бога, отвержение многобожия и идолопоклонства); у них заметна была тяга к аскетизму и отшельничеству. Но вместе с тем они не принимали целиком ни христианства, ни иудейства, желая следовать религии более простой и примитивной, которая была бы более доступной и приемлемой для рядового араба. Арабские поэты отличали ханифов и от иудеев, и от христиан.¹⁹

Мухаммед знал ханифов и рассматривал их как последователей «чистой и истинной» религии. Именно в таком значении ханифы упоминаются в Коране,²⁰ где они противопоставляются идолопоклонникам; в ханифах Мухаммед видел последователей древней религии Авраама.²¹ Биограф Мухаммеда Ибн Хишам также считал ханифство — *ханифийа* (ар.) религией Авраама и

¹⁷ См.: Коран, V, 85.

¹⁸ См.: Fr. Bihl. Hanif.

¹⁹ Китаб ал-агани, XVI, 45; цит. по: Fr. Bihl. Hanif.

²⁰ Коран, X, 105; XXII, 32; XXX, 29; XCIV, 4.

²¹ Там же, II, 129; III, 60.

употреблял слово *ханиф* как равнозначающее слову *муслим* (ар., «мусульманин»). Ибн Хишам называет имена четырех ханифов в Мекке, современников Мухаммеда,²² одним из них был Варака ибн Науфаль, родственник первой жены Мухаммеда Хадиджи.

Конечно, исторически невозможно связывать ханифов с легендарной проповедью Авраама в Аравии. Нет основания видеть в них последователей мифического «первобытного монотеизма», который, по мнению некоторых западных исламоведов, будто бы был первоначальной религией арабов. Напротив, по-видимому, ханифство было относительно новым явлением в истории Аравии (как и вера в верховного бога — Аллаха у североарабских язычников). Оно было выражением стремления к монотеизму, вызванного кризисом социального строя доисламской Аравии и ее прежней религиозной идеологии. Есть основание видеть в исламе дальнейшее развитие ханифства.²³ По-видимому, ханифом (или же иудео-христианином) был современник Мухаммеда поэт Омейя ибн Аби-с-Салты, родом из Таифа.

Достойно внимания, что как арабоязычные иудаисты и христиане, так и ханифы именовали бога Аллахом. В этом имени, таким образом, не было ничего специфически мусульманского.

Перейдем теперь к истории возникновения ислама. Основоположником ислама признается Мухаммед. Но можно с уверенностью сказать, что если бы в Аравии не складывались предпосылки нового, классового общества, если бы не было упадка и отмирания староарабской джалилии и если бы не было направленного против нее монотеистического движения, то не было бы и Мухаммеда или же он остался бы непонятым, одиноким и был бы вскоре забыт. Без отмеченных выше социальных и идеологических предпосылок новая мировая религия — ислам не могла бы сложиться и окрепнуть.

История не располагает письменными известиями современников о Мухаммеде. Священная книга ислама, за исключением немногих мест, не является источником для биографии Мухаммеда. Предания о его жизни, деяниях и речах, так называемые хадисы,²⁴ долгое время распространявшиеся устно и лишь позднее записанные, в наибольшей своей части недостоверны, как установлено трудами И. Гольдциера и других исламоведов. Основанная на хадисах первая биография Мухаммеда, составленная Ибн Исхаком (ум. 767 г.), появилась только в середине VIII в., дошла до нас лишь в переработке Ибн Хишама (ум. 834 г.)²⁵ и отчасти в обширных выдержках у историка ат-Табари (ум. 923 г.). Теперь уже ученые не сомневаются, что многое из

того, о чём сообщает мусульманская традиция, относится к области легенд.

Сам Мухаммед — несомненно, лицо историческое: первые халифи и люди их окружения основывали свой авторитет на родстве с Мухаммедом или близости к нему; конечно, они не могли бы выдавать за своего родича, учителя и современника личность мифическую.²⁶ Но впоследствии о нем было создано много легенд, особенно о времени его жизни в Мекке. Поэтому биография Мухаммеда в том виде, в каком она была принята мусульманской традицией, содержит, пожалуй, больше легендарного, нежели исторически достоверного материала, и исторической критике здесь не всегда удается отделить историю от легенды. Но поскольку эта традиция принята всеми мусульманами, знать ее необходимо вся кому, кто занимается изучением ислама. Поэтому мы здесь приведем, насколько возможно кратко, основные моменты биографии Мухаммеда согласно традиции.

Мухаммед происходил из племени курейшитов, во владении которого находилась Мекка, из рода Хашимидов. О деде Мухаммеда 'Абд ал-Мутталибе и отце его 'Абдаллахе сохранились почти исключительно легендарные известия. Отец его был небогатым купцом и, умирая, оставил своей вдове Амине только пять верблюдов, несколько овец и одну рабыню. Амина умерла, когда ее сыну Мухаммеду было всего 6 лет.

Согласно традиции, Мухаммед родился в Мекке в 570 или 571 г. Однако эта дата, возможно, недостоверна и была принята в соответствии с другим известием традиции о том, что Мухаммед родился в «год слона», т. е. в год неудачного похода эфиопского наместника Йемена Абрахи против Мекки. Вообще до переселения (хиджры, летом 622 г.) Мухаммеда в Медину мы не знаем ни одной бесспорной даты его жизни.

В суре XCIII Корана говорится, что бог нашел Мухаммеда бесприютным сиротой, бедняком и заблуждающимся (язычником); бог дал ему приют, обогатил его и поставил на прямой путь, заповедав ему впредь не притеснять сироты, не отгонять окриком нищего и быть милосердным. По преданию, мальчиком Мухаммед пас коз и овец своего дяди Абу Талиба, который также был беден и едва мог скучно кормить племянника. Юношей Мухаммед поступил торговым приказчиком к знатной и богатой вдове Хадидже, деятельной и энергичной участнице караванной торговли с Сирией. Он понравился Хадидже и двадцати четырех лет от роду женился на ней, хотя ей было уже около сорока. Несмотря на разницу лет, брак оказался счастливым. Хадиджа подарила ему нескольких детей, из которых только одна Фатима, его любимая дочь, ненадолго пережила отца (она умерла в 11 г. х. = 632/3 г. н. э.). Согласно преданию, Мухаммед всю

²² Ибн Хишам, стр. 120.
²³ Из русских исламоведов этот тезис высказал Е. А. Беляев.
²⁴ О хадисах см. в гл. IV.
²⁵ Известно, что Ибн Хишам не ввел в свою книгу некоторых переданных Ибн Исхаком эпизодов из жития Мухаммеда, счтя их компрометирующими пророка.

²⁶ На «невозможность грандиозного обмана» указывает и акад. И. Ю. Крачковский в «Приложении» к переводу Корана, стр. 655 (см. библиографию под словом «Коран»).

жизнь сохранял привязанность к Хадидже, при жизни ее не брал других жен, а после смерти время от времени в память ее устраивал угощение для бедняков. Согласно преданию, он был сострадателен и, став богатым, не упускал случая помогать сиротам и беднякам.

Брак дал Мухаммеду материальную обеспеченность и освободил от угнетавших его до тех пор забот о куске хлеба. Неизвестно, участвовал ли он сколько-нибудь активно в торговых делах Хадиджи. Но он получил возможность обратиться к другим интересам, живо увлекавшим его. Согласно традиции, Мухаммед любил беседовать о религиозных вопросах с иудеями и христианами; из этих бесед он почерпнул сведения — очень общие, далеко не точные и не детальные — о иудаизме и христианстве. Первоначально он не представлял себе ясно, в чем расходятся обе эти религии; важнее всего в них ему казалась монотеистическая идея и то, что последователи их получили через пророков откровение от бога.²⁷ Предание сообщает об его встречах с христианскими монахами. Факт общения Мухаммеда с христианскими монахами удостоверяется близким сходством между эсхатологическими (относящимися к грядущему «Страшному суду» и учению о загробном воздаянии праведникам и грешникам; от греч. ἔχθτος — «последний, крайний» и λόγος — «слово, мысль», «идея, учение») стихами Корана и гимнами известного деятеля сирийского христианства мистика Ефрема Сирина (IV в.). Сходство это, притом не только в общей идеи, что было бы неудивительно, но и в выражениях, форме и стиле, установлено упальским профессором Тором Андрэ.²⁸ Несомненно, сведения и о христианстве, и об иудаизме Мухаммед почерпнул не из книг, а из устных бесед. Из этого, однако, вовсе не следует, что он был неграмотен. Тогда же Мухаммед вошел в кружок богоискателей и ханифов, среди которых находился двоюродный брат Хадиджи, Варака ибн Науфаль. Так постепенно подготавлялось выступление Мухаммеда в качестве проповедника.

Конечно, нет ничего удивительного в том, что Мухаммед, как и многие его современники, стал убежденным монотеистом и ненавистником «идолов» и «многобожников». Гораздо труднее понять, каким образом у него зародилась уверенность в том, что он является пророком, избранным богом, подобным древним пророкам, и что именно на него возложена богом миссия восстановить в Аравии древнюю веру Авраама — единобожие.

Мухаммеду, как человеку своего времени, легко было объяснить себе свои религиозные искания и раздумья божественным озарением. Из слов о божественном откровении его последователи, а затем мусульманские теологи постепенно создали рас-

²⁷ Коран, XVI, 45—46; XXI, 7 и в других местах.

²⁸ Tor Andrae. Mohammed, the man and his faith, стр. 119—124. — Д. С. Марголиус (D. S. Margoliouth. Muhammad) говорит, что «Мухаммед усвоил евангелический (торжественный) стиль христианских монахов».

казы о видениях, о явлениях посланного духом-посредника (то ли святого духа, то ли архангела Гавриила), сообщавшего Мухаммеду откровения из предвечной «небесной книги».²⁹ Конечно, нельзя отрицать и возможности галлюцинаций у Мухаммеда. Сам он говорил о являвшемся к нему днем от имени бога «духе» или «святом духе» довольно неясно;³⁰ в Коране упоминается также о ночных видениях;³¹ это были, видимо, сонные грезы. Во время одной из таких ночных грез Мухаммед, по его словам, видел «его» (судя по контексту, духа, а не самого бога, как объясняли позднее) «у лотоса крайнего предела, там, где сад прибежища (райская обитель)»;³² одно из ночных видений (сон?) заключалось в том, что Мухаммед из «заповедной мечети» (ал-масджид ал-харам, т. е. из Ка'бы) был перенесен в «отдаленнейшую мечеть» (ал-масджид ал-акса').³³ Впоследствии мусульмане из этого рассказа создали легенду о вознесении (*мир-радж*) Мухаммеда ангелами на скалу Соломонова храма в Иерусалиме, где затем (на рубеже VII и VIII вв. н. э.) при халифе 'Абд ал-Мелике был сооружен мусульманский храмовый комплекс Харам аш-шариф, со святынищем Куббат ас-сахра («Купол скалы») и мечетью ал-Акса'. Только позднее, уже в период пребывания Мухаммеда в Медине, он и люди его окружения решили, что таинственный дух, являвшийся пророку, был не кто иной, как архангел Гавриил.

Согласно преданию, Мухаммед стал проповедовать около 609 или 610 г., и первыми уверовали в проповедь Мухаммеда его родичи: жена Хадиджа, бывшая всегда верным другом его; дочери (Рукайя, Умм Кульсум, Фатима); двоюродный брат, юный 'Али, сын дяди Абу Талиба, женившийся потом на дочери Мухаммеда Фатиме (впоследствии четвертый халиф).³⁴ Затем принял веру Мухаммеда его вольноотпущенник и приемный сын Зейд ибн Харис, уверовали также богатый купец Абу Бекр (впоследствии первый халиф), родственники Мухаммеда аз-Зубейр и Са'д ибн Аби Ваккас (впоследствии известный полководец, победитель персов в битве при Кадисии 637 г.), купцы Тальха и 'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф, составивший торговлей крупное со-

²⁹ См. в гл. III.

³⁰ Коран, LIII, 3 и сл.; LXXXI, 23 и сл. — В этих сурах Мухаммед называет духа просто «он».

³¹ Коран, LIII, 13 и сл.; XLIV, 3; LXXII, 1 и сл.; LXXXI, 19 и сл.; XCVII, 1. — В суре XCVI (1—5) говорится, по-видимому, о первом видении.

³² Коран, LIII, 14—15.

³³ Там же, XVII, 1 и сл. — Допуская возможность галлюцинаций у Мухаммеда, нет необходимости приписывать ему те или иные болезни. В ту эпоху у людей с повышенными религиозными эмоциями галлюцинации (зрительные и слуховые) были весьма нередким явлением.

³⁴ 'Али в это время был в возрасте от 8 до 13 лет. 'Али был известен также под прозванием Абу Тураб («отец пыльи», или «праха»), будто бы данным ему Мухаммедом. Последователи 'Али, ши'иты, считали это прозвание почетным. По мнению Т. Нёльдеке, напротив, это была насмешливая кличка, изобретенная врагами 'Али.

стояние; уверовал и ‘Осман ибн ‘Аффан из знатного курейшитского рода Омейядов (впоследствии третий халиф; он получил в жены дочь Мухаммеда, красавицу Рукайю). В числе ранних новообращенных были также пастух ‘Абдаллах ибн Мас‘уд, бывший раб (впоследствии один из наиболее видных сподвижников Мухаммеда), и купец ‘Абдаллах ибн Са‘д.

В общем успех проповеди Мухаммеда долгое время оставался очень скромным. Мекканская знать, состоявшая из ростовщиков и купцов-рабовладельцев, отнеслась к проповеди Мухаммеда открыто враждебно. И нельзя сказать, чтобы причиной этой вражды был религиозный фанатизм. Но проповедь Мухаммеда, направленная против идолопоклонства, казалась опасной для торговых и политических интересов Мекки. Проповедь Мухаммеда могла привести к падению культа Ка‘бы с ее «идолами», что неминуемо вызвало бы не только упадок паломничества, а вместе с тем мекканской ярмарки и ослабление торговых связей Мекки, но и падение политического авторитета Мекки.

Вот почему курейшитская знать считала проповедь Мухаммеда крайне опасной для своих интересов и возненавидела его. Наиболее активными врагами Мухаммеда стали богатейший купец Абу Суфьян, глава рода Омейядов, жена его Хинда, ‘Амр ибн Хишам, злейший враг Мухаммеда, прозванный сторонниками последнего Абу Джахль («Отец невежества», т. е. «язычества»), наконец, родной дядя Мухаммеда ‘Абд ал-‘Узза (т. е. «раб [богини] ‘Уззы») ибн ‘Абд ал-Мутталиб, получивший от Мухаммеда прозвание Абу Лахаб (т. е. «Отец [адского] пламени»), женатый на сестре Абу Суфьяна (Мухаммед предсказал Абу Лахабу после смерти адские мучения³⁵). Враги Мухаммеда не решались убить его, ибо это навлекло бы на них кровную месть со стороны всего рода Хашимидов. Но они преследовали Мухаммеда враждой и злыми насмешками.

Лет через пять после первого «откровения» и начала проповеди Мухаммеда число его последователей в Мекке составляло всего сотни полторы. Среди них было много людей бедных и рабов. Из того факта, что немало рабов обратилось в веру Мухаммеда — *ислам* (ар. «покорность [единому богу]»), отнюдь не следует, что учение Мухаммеда само по себе отражало их чаяния и интересы. Тем более в этом учении не было ничего «социалистического» вопреки теории, созданной Гrimme. Правда, Мухаммед в своих «откровениях» бичевал «обвешивающих» (*ал-мутаффин*), т. е. мекканских купцов³⁶, порицал привязанность к богатству, стремление к умножению богатства — *такасур* (ар.),³⁷ ибо оно заставляло людей забывать о боге и загробной жизни. Он говорил также, что как в Мекке, так и в других городах знатные

люди (*акабир*) — грешники.³⁸ Но он порицал только приобретенное нечестным путем богатство, а не всякое богатство вообще; богатство тогда казалось Мухаммеду грешным, когда обладатели материальных благ ради них забывали о боге и об ожидающем их загробном воздаянии.

Такого рода проповеди не представляли ничего нового и оригинального; их можно найти и в пророческих книгах Библии, и в Евангелии. Но богатство, добытое «честным» (с точки зрения религиозного закона) путем, соединенное с исполнением религиозных обязанностей (в частности, милостыни),³⁹ и в Мекке, и позднее в Медине рассматривалось Мухаммедом как явление вполне законное. Мухаммед никогда не отрицал ни частной собственности, ни рабства и рабовладения (в частности, он считал законным обращение в рабство пленников войны) и только рекомендовал господам мягкое обращение с теми, «которыми овладела десница ваша» (т. е. пленниками-рабами).⁴⁰

Обращение некоторых рабов в ислам на первом этапе его существования легко объясняется тем, что им было известно, с какой ненавистью их господа — мекканские богачи преследовали Мухаммеда, порицавшего неправедное стяжение; поэтому рабы видели в нем своего друга и заступника; предсказанный Мухаммедом день «Страшного суда» рисовался воображению рабов как день возмездия их господам.

Конечно, на эту самую обездоленную и беззащитную социальную группу и обрушилась прежде всего ненависть господ — мекканских богачей. Согласно преданию, несколько рабов и рабынь, принявших ислам, стали первыми мучениками этой религии. Часть рабов-мусульман была выкуплена у их хозяев богатыми мусульманами. Например, Абу Бекр, до энтузиазма преданный делу ислама, истратил почти все свое состояние (35 тысяч дирхемов из 40 тысяч) на религиозные нужды, в частности на выкуп рабов-мусульман. Согласно преданию, другие бедняки-мусульмане из рабов и мелкого обездоленного люда (101 человек) решили эмигрировать в христианскую Эфиопию, чтобы избавиться от преследований; в Мекке осталось 52 мусульманина (ок. 615 г.).

Первоначально Мухаммед не думал, что он выступает с проповедью новой веры. Он просто проповедовал учение ханифов; отождествляя веру ханифов со своей верой, он термины «мусульмане» (ар. *муслим*, мн. ч. *муслумун*) и *ислам* одинаково прилагал как к ханифам, так и к своим последователям; возможно, эти термины были заимствованы у ханифов. Иудеев и христиан Мухаммед в мекканский период также считал своими единоверцами. Как сказано выше, с иудаизмом и христианством в то время Мухаммед был знаком довольно поверхностно; в чем

³⁵ Коран, CXI, 1—5.

³⁶ «Обвешивающие» — заглавие суры LXXXIII Корана.

³⁷ Коран, CII, 1—8.

³⁸ Там же, VI, 123. — При этом, конечно, речь шла о языческой знати.

³⁹ Коран, XCII, 5—7; XCVIII, 4.

⁴⁰ Там же, IV, 40.

заключались разногласия между иудеями и христианами, а также между христианами разных толков, Мухаммед ясно не представлял себе, да и не придавал тогда значения этим различиям. От иудеев, христиан и ханифов Мухаммед взял только то, что объединяло их всех: монотеистическую идею, учение о божественном откровении, ниспосыпаемом людям через пророков, о «конце мира», о «Страшном суде», об аде и рае, отвержение поклонения идолам и т. д. Таким образом, в учении Мухаммеда в тот период не было ничего нового и оригинального, за исключением того, что к сонму прежних пророков Мухаммед сопричислил и самого себя.

На первом этапе своей деятельности в Мекке Мухаммед особенно увлекался идеей грядущего «конца земли», последующего «Страшного суда» и загробного воздаяния верующим (монотеистам) и многобожникам, праведникам и нечестивцам. Эсхатологическая идея (учение о «конце мира»), общая и иудеям, и христианам на определенных этапах развития этих религий, отразилась в ряде произведений иудейской и раннехристианской литературы первых веков н. э., особенно в «Апокалипсисе» («Откровении», греч.), приписываемом апостолу Иоанну, но, как полагают исследователи, написанном неизвестным христианином из евреев, по-видимому, между 67 и 69 гг. н. э. Фантастические яркие картины катастрофического «конца мира» и «Страшного суда», подобные тем, какие изображены в «Апокалипсисе», появились в Коране.⁴¹ Вероятно, в начале своей деятельности Мухаммед полагал, что «конец мира» должен наступить в близком будущем. Потом он от этого взгляда отказался.

Свои поучения Мухаммед сообщал слушателям как «откровения», полученные от бога через посредство духа, наставлявшего пророка. Эти «откровения» записывались слушателями на пальмовых листьях, плоских костях и камнях; еще чаще они заучивались наизусть и потом декламировались речитативом, подобно тому как рапсоды заучивали и декламировали произведения староарабской фольклорной поэзии. Впоследствии, уже после смерти Мухаммеда, фрагменты «откровений» были собраны, отредактированы и составили священную для мусульман книгу Коран.⁴²

После эмиграции части мусульман в Эфиопию число последователей Мухаммеда росло медленно. Правда, около того же времени (615 г. н. э.?) в ислам обратились дядя Мухаммеда Хамза ибн 'Абд ал-Мутталиб, заслуживший репутацию храброго воина (впоследствии он получил прозвание «лев Аллаха и его посланника»), и 'Омар ибн ал-Хаттаб, молодой человек 26 лет, храбрый, деятельный и энергичный (впоследствии второй халиф). Обращение 'Омара было особенно ценным для мусуль-

ман. Он обладал сильной волей и большим организаторским талантом. Мухаммед, Абу Бекр и 'Омар стали руководителями зарождавшейся мусульманской общины, действуя вместе и дополнения друг друга.

Вскоре на мусульман в Мекке обрушились новые беды. Собрание родовых старейшин в «доме совещаний» (*дар ан-надва*) потребовало от рода Хашимидов под угрозой отлучения их рода от общения с остальными родами, чтобы они лишили Мухаммеда покровительства и защиты. Хотя Хашимиды, кроме немногих, не сочувствовали религии Мухаммеда, они все же не сочли возможным отказать ему в защите, руководствуясь старинным арабским обычным правом, согласно которому каждый член рода защищал свой род, а род — каждого из своих сородичей, даже если он и неправ. Тогда отлучение и бойкот были наложены на весь род, кроме Абу Лахаба; запрещение участвовать в отправляемых из Мекки караванах могло довести род Хашимидов до разорения. Года через два отлучение было снято с них советом старейшин вопреки домогательствам Абу Джахля.

Но положение Мухаммеда не улучшилось. Умерла его верная подруга Хадиджа, умер и его любимый дядя Абу Талиб, бывший старшиной рода Хашимидов. После его смерти старшинство в роде перешло к Абу Лахабу, ненавидевшему Мухаммеда и мусульман. Мухаммед теперь редко выходил из дома, дабы не подвергаться оскорблению. В таких трудных обстоятельствах пророк пришел к выводу, что дальше оставаться в Мекке ему нельзя. Сперва он задумал было переселиться со своими последователями в оазис Таиф. Он отправился туда со своим приемным сыном Зейдом ибн Харисом, но был встречен градом камней и должен был удалиться.

Однако Мухаммед нашел друзей в оазисе Йасриб (Медина) у живших там оседлых земледельческих племен аус и хазрадж, которые ненавидели богатую мекканскую знать частью из-за старинной племенной вражды, частью потому, что многие мединские земледельцы находились в долгах у мекканских ростовщиков и купцов. Как враг мекканской аристократии, Мухаммед казался ауситам и хазраджитам их естественным союзником. И вот дважды (между 620 и 622 гг. н. э.) в пустынной местности 'Акаба произошли встречи Мухаммеда и его ближайших соратников, с одной стороны, и ауситов и хазраджитов, с другой стороны. Между ними и Мухаммедом был заключен договор, скрепленный клятвой: ауситы и хазраджиты обязались принять Мухаммеда вместе с прочими мусульманами в Медину и защищать их, если понадобится, с оружием в руках. Мусульмане должны были поселиться в Медине на правах особой общины. По преданию, переговоры велись при посредстве дяди пророка 'Аббаса ибн 'Абд ал-Мутталиба. Не в пример большинству небогатых Хашимидов 'Аббас был богатым купцом, участником мекканских караванов; он давал ссуды серебром за проценты, у него был сад с вино-

⁴¹ Подробности см. в гл. II.

⁴² См. об этом в гл. III.

градником в Таифе. По преданию, ему принадлежало право продавать воду из колодца Замзам паломникам, приходившим в Мекку.⁴³ Аббас тогда еще не был мусульманином, но старался сохранять добрые отношения и с противниками, и со сторонниками ислама; он был родоначальником семьи Аббасидов (впоследствии халифская династия, 750—1258 гг.).

Мусульмане вскоре же стали группами по несколько человек переселяться в Медину. В числе первых переселенцев находился 'Омар. Всего мусульман (не считая рабов и эмигрировавших в Эфиопию) в то время было не более 150 человек. Поэтому их организованное переселение в Медину не вызвало каких-либо трудностей. Мухаммед с Абу Бекром и 'Али переселились последними.

Переселение мусульман и самого пророка в Медину получило в предании название *хиджра* (ар.). Это слово иногда неправильно переводили как «бегство»; в действительности корень *هجر* имеет значение «прекращать общение [с кем-либо]», «покинуть [свое племя]», «переселиться»; отсюда *хиджра* — «переселение»; *мухаджир* (ар., мн. ч. *мухаджирун*) — «переселенец». Мухаджарами стали называть тех мусульман-мекканцев, которые вместе с Мухаммедом переселились в Медину,⁴⁴ тогда как принявшие ислам жители Медины получили прозвание ансаров (ар. *انصار*, ед. ч. *nasir* — «помощник», от корня *نصر* «помогать, защищать»). Относительно даты хиджры (имея в виду переселение самого Мухаммеда) существуют разные мнения: наиболее распространенное из них относит хиджру на 8 число месяца раби' ал-авваля (по лунному мусульманскому календарю) = 20 сентября 622 г. н. э.

Событие хиджры легло в основу мусульманского летосчисления. Предание о том, что хиджра была принята за начало новой эры Мухаммедом, легендарно. Прежде арабы Хиджаза считали годы, начиная от «года слона».⁴⁵ Вопрос о введении нового летосчисления был поднят при халифе 'Омаре, между 16 и 18 гг. х. = 637 и 639 гг. н. э. Решено было (по одному преданию, по предложению 'Али) принять год хиджры (622 г.) за первый год новой, мусульманской эры. Но так как тогда уже был в употреблении лунный календарь, то за начальный день новой эры был принят не действительный день хиджры, а первый день первого месяца (мухаррама) того же года по лунному календарю,⁴⁶ соответствовавший 16 июля 622 г.

⁴³ Он сохранил эту привилегию и после утверждения ислама в Мекке.

⁴⁴ С тех пор звание мухаджира у мусульман признавалось весьма почетным; впоследствии мусульмане, эмигрировавшие из мусульманской страны, завоеванной немусульманами (например, европейскими колониальными державами), в мусульманское государство, именовались мухаджарами.

⁴⁵ 570 г. н. э. — условная дата (исторически неверная) неудачного похода Абрахи, эфиопского наместника в Йемене, против Мекки; по преданию, в войске Абрахи были слоны, которых арабы раньше не видели.

⁴⁶ Подробности о мусульманском календаре см. в гл. II.

Примирив соперничавшие прежде племена аус и хазрадж, Мухаммед фактически стал полноправным главою Медины. В период непосредственно после хиджры (622—632 гг. н. э.) Мухаммед, действуя вместе с 'Омаром и Абу Бекром, проявил себя талантливым политиком. Предание передает содержание документа, обычно признаваемого подлинным,—устава мединской мусульманской общины, составленного на основе договора с племенами аус и хазрадж.⁴⁷

Из этого документа видно, что Мухаммед, являясь религиозным главою мусульманской общины, в то же время был политическим главою — законодателем и судьей — всей Медины. Руководители мусульман, согласно своим верованиям, отрицательно относились к родо-племенным традициям, но, не считая возможным сразу же выступить против них, допустили разумный компромисс. Все жители Медины должны были рассматриваться как единое политическое целое и пользоваться равными правами независимо от принадлежности к тому или иному племени и от религии. Если бы кто-либо совершил убийство, он не должен был найти защиту ни в одном из племен; вражды и кровной мести между племенами не должно было быть; споры между ними решал Мухаммед. В остальном каждое племя сохраняло свою автономию и могло сноситься и заключать соглашения с любыми другими племенами вне Мединского оазиса, кроме курейшитов Мекки, которые рассматривались как враги. Мусульманская религиозная община признавалась как бы автономной группой на тех же правах, что и племена Мединского оазиса.

В Медине должна была господствовать полная религиозная терпимость. Мухаммед провозгласил принцип «Нет принуждения в вере»:⁴⁸ мусульмане, иудеи, христиане и язычники признавались равноправными и могли свободно исповедовать свою веру. Но многие ауситы и хазраджиты приняли ислам добровольно.

В Медине мусульманская религиозная община приняла более организованную форму; были установлены также и основы обрядности, впоследствии сильно усложнившейся. Была построена первая мечеть — *масджид*. Это был простой дом, выходивший во двор, окруженный строениями и примыкавший к дому пророка. Мечеть была не только домом молитвы, но и помещением для общественных собраний и приемов (послов и др.). Были установлены часы для ежедневных молитв. Обязанность имама, т. е. предстоятеля на молитвенных собраниях, выполняли сам Мухаммед, Абу Бекр либо 'Омар. Был назначен и первый *му'аззин*. Им стал бывший раб, эфиоп Билаль; его обязанность

⁴⁷ Ибн Хишам, стр. 341—344; J. Wellhausen. Das Arabische Reich und sein Sturz, стр. 1 и сл.

⁴⁸ Коран, II, 257: لَا إِكْرَاهٌ فِي الْدِينِ

заключалась в том, чтобы возвещать *азан* — призыв верующих к молитве. Установлены были правила ритуальных омовений и поста.⁴⁹

Мусульманская религиозная община, как сказано, состояла из мухаджиров-мекканцев и ансаров-мединцев; в ней все основанные на кровном родстве связи отрицались по принципу: «В исламе все люди — братья». Конечно, идея братства и равенства всех мусульман никак не могла означать подлинного социального равенства, невозможного в обществе, в котором уже складывались классовые отношения. В проповеди Мухаммеда и не было призыва к социальному уравнению, не было элементов утопического социализма. Но исламская идея «равенства» мусульман независимо от происхождения и родоплеменной принадлежности была важной предпосылкой для политического объединения сперва арабов Медины, потом всех арабов. Еще в XIV в. историк-философ Ибн Халдун утверждал, что бедуины были бы неспособны создать могучее государство, если бы они не прониклись религиозным энтузиазмом благодаря какому-либо пророку.⁵⁰ Дело было не столько в энтузиазме или в личности пророка и вождя, сколько в том, что идея религиозной общности помогала преодолению племенной розни и племенного сепаратизма.

В мединский период были заложены основы общеарабского исламского государства, и политическое объединение Мединского оазиса оказалось зародышем этого государства. Ислам теперь был не только религиозным течением, он стал политическим фактором. Объединение Аравии и создание халифата были вызваны процессом сложения классового общества. Но ислам оказался фактором, ускорившим этот процесс, ускорившим политическое объединение. Сравнительно небольшая группа соратников пророка — асхабы, или сахабы (ар. *асхаб, сахаба*, ед. ч. *сахиб*, от *صَحِبٌ* — «быть другом, сопутствовать [кому-либо]»)

позднее, при первых халифах, составила новую аристократию, верхушку нового господствующего класса, превратившегося в феодалов после арабских завоеваний.

В Медине произошло окончательное размежевание мусульман с «людьми писания» (*ахль ал-китаб*) — сперва с иудеями, потом и христианами, и ислам из аморфного монотеистического движения, разновидности ханифства, каким он был в Мекке, превратился в самостоятельную религию. Произошло это, конечно, не сразу.

Разорвав с иудеями, Мухаммед некоторое время еще продолжал надеяться на союз и сближение с христианами. В одном месте Корана сказано, что самые упорные враги мусульман —

⁴⁹ О мечетях и ритуале в исламе см. подробно в гл. II.

⁵⁰ Ибн Халдун, франц. пер., т. I, стр. 313.

иудеи и многобожники (старарабские язычники), а искренние друзья — назаряне (христиане) с их священниками и монахами.⁵¹ Но к концу мединского периода Мухаммед разорвал и с христианами, по-видимому в то время, когда начались первые пограничные столкновения с византийскими войсками. Разрыв и с иудеями, и с христианами был вызван не столько религиозными разногласиями, сколько непризнанием теми и другими Мухаммеда пророком. Не только с иудейскими племенами Медины у мусульман сложились враждебные отношения. Немало было и скрытых врагов среди ауситов и хазраджитов, внешне принявших ислам, а втайне действовавших против пророка и ставшихся разложить мусульманскую общину изнутри. Эти люди получили прозвание мунафиков (ар. *мунафик*, мн. ч. *мунафикун*), т. е. «лицемеров», «притворяющихся».

Поселившись в Медине, Мухаммед с 'Омаром и Абу Бекром не собирались прекратить борьбу с мекканской языческой знатью. Видимо, они задумали парализовать торговые операции Мекки, перерезав караванный путь из Мекки в Сирию, проходивший вблизи Медины. В начале 623 г. мусульмане напали на мекканский караван и ограбили его. В следующем году нападение мединских мусульман на мекканский караван, возвращавшийся из Сирии, развернулось в целое сражение, известное под именем битвы при Бадре (март 624 г.).

В этом сражении мекканцы были разбиты;⁵² часть их погибла, часть была взята в плен. Среди убитых находились злейший враг ислама Абу Джахль, сын Абу Суфьяна Ханзала и др. Из пленников несколько упорных врагов ислама было умерщвлено; остальные пленники либо приняли ислам, либо были отпущены за выкуп.⁵³ В этой битве дядя Мухаммеда, уже упомянутый раньше 'Аббас, сражался в рядах язычников-мекканцев и попал в плен к мусульманам. Он был отпущен в Мекку, по-видимому для того, чтобы по соглашению с Мухаммедом стать его тайным агентом.

В битве при Бадре, по преданию, против 600 мекканцев сражались 317 мусульман. Только двое или трое из них были на конях,⁵⁴ остальные — пешие или на верблюдах. Доставшуюся военную добычу Мухаммед разделил так, что каждый конник получил тройную долю по сравнению с остальными, пятая же часть добычи была выделена в пользу пророка и его семьи, си-

⁵¹ Коран, V, 85.

⁵² Ибн Хишам, стр. 427 и сл.: Табари, сер. I, стр. 1297.

⁵³ Л. И. Надирадзе (см. ук. статью) видит в этом доказательство слабого распространения рабства в Аравии. Но такой пример не убедителен: пленников не обратили в рабство потому, что это были курейшиты, единоплеменники Мухаммеда и мухаджиров, в рабство же можно было обращать только чужеплеменников.

⁵⁴ Ср. со сказанным выше о малочисленности лошадей в доисламской Аравии.

рот и бедняков. По словам Мухаммеда, такой способ раздела был указан ему в «откровении».⁵⁵

Битва эта имела большое значение. Сам Мухаммед стал известен далеко за пределами Медины, в Медине же его влияние стало почти безграничным. В следующем, 625 г. мусульмане снова ограбили мекканский караван. В ответ Абу Суфьян повел против Медины 3 тысячи мекканских воинов. Из выступивших против них 1000 мусульман около 300 мунафиков ушли обратно в Медину, прочие же мусульмане были разбиты у горы Ухуд; в этой битве пал дядя пророка, «лев Аллаха» Хамза. Но мекканцы не использовали своей победы и, даже не пытаясь взять Медину, ушли восвояси. Поражение не повредило авторитету Мухаммеда, который объяснил это событие отсутствием дисциплины среди мусульман и изменой мунафиков.

В 627 г. Абу Суфьян повел против Медины большое ополчение (будто бы 10 тысяч человек), в котором, кроме 4 тысяч мекканцев и воинов союзных племен, находились еще наемники-эфиопы. Большая опасность нависла над Мединой. Но Мухаммед и вожди мусульман в течение шести дней окружили Медину рвом (*хандак*) и окопами. Согласно легенде, такой способ обороны предложил Сальман ал-Фариси, перс, бывший пленник раб, обратившийся в ислам и ставший одним из близких к Мухаммаду сахабов. Войска врагов ислама осадили Медину, иудейское племя бану курейза помогало им. Но среди осаждавших начались раздоры, и недели через три мекканское ополчение во главе с Абу Суфьяном снялось с лагеря и ушло; ополчениям остальных племен ничего не оставалось, как сделать то же самое.

После их ухода мусульмане разгромили поселение иудейского племени бану курейза — последнего в Мединском оазисе племени, исповедовавшего иудаизм (два других племени были побеждены и выселены еще раньше); мужчины бану курейза были обезглавлены, женщины и дети проданы в рабство бедуинам Неджда за верблюдов и оружие; земли и имущество побежденных были розданы мусульманам. В 628 г. пророк под видом паломничества выступил с 1500 сахабами к Мекке, но был встречен мекканским ополчением. После долгих переговоров с курейшитской верхушкой Мухаммед заключил с Меккой договор (ар. *бай'а* — собственно «присяга») в Худейбии на следующих условиях: перемирие на 10 лет; мусульманам разрешалось паломничество в Ка'бу, но без оружия (разрешалось иметь только саблю); Мухаммед обязался не нападать на мекканские караваны. В договоре Мухаммед не был назван пророком.

Мухаммед, 'Омар и верхушка мусульман расценивали этот договор как дипломатический успех: впервые курейшитская знать признала Мухаммеда равной стороной. Но масса рядовых

⁵⁵ Коран, VIII, 42 и сл. — В указанном месте речь идет явно о битве при Бадре. О постановлениях ислама относительно войны с «неверными» и о военной добыче см. в гл. II.

мусульман, ненавидевшая олигархию мекканских богачей и мечтавшая о победном вступлении в Мекку, была крайне недовольна. Здесь впервые сказалась рознь в мусульманской общине: верхи ее во главе с Мухаммедом, Абу Бекром и 'Омаром проявили стремление к компромиссу с мекканской знатью, низы стремились к ее низвержению.

Политический авторитет Мухаммеда после Худейбийского договора еще более возрос. Разные арабские племена, особенно враждебные Мекке, признали над собой политическую власть Мухаммеда. Заключая с ними договоры, Мухаммед не всегда требовал от них принятия ислама. И отдельные курейшиты, раньше бывшие врагами ислама, теперь переходили в лагерь пророка и становились мусульманами. Так поступили, в числе прочих, Халид ибн ал-Валид, победитель при Ухуде, и 'Амр ибн ал-'Ас (или ибн ал-'Аси), впоследствии прославленные полководцы халифата. Оба они были равнодушны к религии, но они видели, что ислам превратился в серьезную политическую силу, присоединение к которой казалось весьма выгодным.

Верхушка исламской общины во главе с Мухаммедом, 'Омаром и Абу Бекром, как выяснилось потом, стремилась к компромиссу с мекканской знатью; но, конечно, и для Мухаммеда с его окружением такой компромисс казался возможным только на условии принятия курейшитской верхушкой ислама, хотя бы наружно. Между тем и курейшиты Мекки теперь иначе стали относиться к исламу. И не потому, что они вдруг уверовали в единого бога и в пророческую миссию Мухаммеда, а потому, что ислам показал себя политической силой, способной объединить Аравию. Сам Абу Суфьян перестал враждовать с Мухаммедом и даже выдал за него замуж свою дочь; такой акт в то время обычно указывал на готовность к заключению политического союза. Мекканская купеческая знать понимала, что эту силу она может использовать в своих интересах. Возможно, что Абу Суфьян и еще кое-кто из мекканской знати тогда уже учитывали возможность, объединив Аравию, организовать завоевания внеарабских территорий, через которые пролегали пути средиземноморско-азиатской караванно-морской торговли. Ведь завоевания помогли бы Аравии выйти из экономического кризиса. А что организовать такие завоевания лучше всего было бы под знаменем ислама, это уже тогда можно было предвидеть.

В первых числах января 630 г. н. э. Мухаммед, имея при себе до 10 тысяч бойцов из мединцев и союзных племен, подошел к Мекке. В Мекке приготовились к отпору. В лагерь Мухаммеда явился 'Аббас, который теперь уже открыто перешел на его сторону и принял ислам. 'Аббас устроил встречу Мухаммеда и людей его окружения с Абу Суфьяном, который и договорился с пророком о сдаче Мекки на условиях, выгодных для своего рода и для своих друзей. Гарантировалась безопасность всем мекканцам, которые останутся у себя дома, либо найдут убежище в

ограде святилища Ка'ба, либо укроются в усадьбе Абу Суфайана; только с десяток особо упорных врагов ислама были исключены из амнистии; мекканцы обязывались принять ислам. Но эти переговоры остались тайной для широкой массы мусульман. Вступление мусульманского войска в Мекку обошлось почти без пролития крови. Ка'ба была очищена от идолов и превратилась в главный мусульманский храм — «Заповедную мечеть» (Масджид ал-харам). Конечно, принятие ислама не только для знатной верхушки, но и для массы курейшитов было делом не убеждения, а политической необходимости.

Расчеты Абу Суфайана оказались правильными: он и члены рода Омейядов, как и его сторонники из мекканской знати, не только сохранили свое привилегированное положение в Мекке, но и стали играть выдающуюся роль в верхушке арабо-мусульманского государства; через 14 лет главою последнего стал член рода Омейядов 'Осман ибн 'Аффан, а еще через полтора десятка лет сын Абу Суфайана Му'авийя положил начало династии Омейядов как правителей арабского халифата. Родичи и сторонники Абу Суфайана использовали также в полной мере выгоды от больших арабских завоеваний, присвоив себе новые земли с держателями-крестьянами в Сирии и других областях, много рабов и разных богатств из военной добычи.

В 630—631 гг. оазис Таиф и наибольшая часть Аравийского полуострова вынуждены были подчиниться Мухаммеду. В большинстве случаев подчинение сопровождалось принятием ислама и сокрушением идолов. Довольствуясь на первых порах наружным принятием ислама, Мухаммед полагал, что подлинная вера придет потом, если не в первом, то в следующих поколениях. Этот расчет впоследствии оправдался: исламизация Аравии вскоре оказалась полной.

И после сдачи Мекки резиденцией Мухаммеда осталась Медина. Сделавшись политическим главою почти всей Аравии, Мухаммед не принял царского титула (*малик*).⁵⁶ Жизнь его оставалась простой, не отличавшейся от жизни зажиточных горожан. Однако кое в чем она изменилась по сравнению с жизнью Мухаммеда до хиджры. После смерти Хадиджи пророк стал брать себе других жен. В год смерти у пророка оставалось 9 жен, а всего за время его жизни у него перебывало 14 жен, не считая еще рабынь-наложниц. Видимо, В. В. Бартольд прав, полагая, что поступать так Мухаммеда побудила не столько поздно проснувшаяся чувственность, сколько староарабские понятия, согласно которым гарем был необходим для поддержания достоинства политического главы. Женитьба на дочери Абу Бекра 'А'ише, на дочери 'Омара Хафсе, позднее на дочери Абу Суфай-

на Умм Хабиб и т. д. была вызвана желанием укрепить личные связи со своими соратниками или с нужными союзниками. Уверив себя, что ему, как пророку, бог разрешил браки без ограничения,⁵⁷ Мухаммед, однако, для всех остальных мусульман ограничил четырьмя число законных жен, которых можно было иметь одновременно, и, мало того, не поощрял многоженства.⁵⁸

Сам Мухаммед не стремился к богатству и роскоши, но свое семейство и членов своего рода он обеспечил, постановив, что с любой военной добычи пятая часть (*хумс*) должна идти на содержание потомков и родичей пророка, а также вдов и сирот воинов, погибших в «священной войне», нищих и странников.⁵⁹

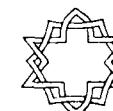
Характер Мухаммеда в мединский период также стал иным, чем был до хиджры. Это легко объясняется тем, что если в Мекке Мухаммед был непризнанным и гонимым религиозным проповедником, то в Медине он стал политическим деятелем, правителем и законодателем. Он показал себя талантливым дипломатом и военным вождем; конечно, в его действиях сыграл большую роль и организаторский талант 'Омара.

Мухаммед состарился преждевременно. Весною 632 г. он еще совершил свой последний *хаджж* (паломничество) из Медины в Мекку. Но к лету он слег и 13 раби ал-авваля 11 г. х. = 8 июня 632 г. н. э. умер. Он не оставил никаких распоряжений на случай своей смерти; видимо, ни он, ни его сахабы не ожидали, что смерть придет так скоро. Он был погребен в Медине; его гробница впоследствии заняла место второй (после Ка'бы) святыни ислама и стала местом паломничества.

⁵⁷ Коран, XXXIII, 49.

⁵⁸ См. об этом в гл. II.

⁵⁹ Коран, VIII, 42. — О прочем законодательстве Мухаммеда см. в гл. II.



⁵⁶ Который он мог бы принять, если бы хотел подражать царям Йемена, а также царям арабских династий — Гассанидам в Иордании, Лахмидам к западу от р. Евфрата и Кинидидам в Неджде.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Предисловие	3
Введение. Возникновение ислама	5
Глава I. Исламизация Ирана. Возникновение течений суннитов, ши'итов и хариджитов	30
Глава II. Исламское вероучение и ритуал	62
Глава III. Коран	99
Глава IV. Источники мусульманского права	123
Глава V. Разработка мусульманского (суннитского) права	132
Глава VI. Мусульманское государственное право	148
Глава VII. Уголовное и гражданское право ислама	164
Глава VIII. Догматические споры в исламе в VIII—IX вв. (мурджиты, кадариты, мутазилиты)	199
Глава IX. Мусульманская ортодоксальная схоластика (<i>калам</i>) в X—XII вв. Культ святых в исламе	214
Глава X. Умеренные ши'иты	240
Глава XI. Исма'илиты, карматы и крайние ши'иты	276
Глава XII. Мистицизм в исламе (суфизм и дервишество)	310
Глава XIII. Торжество ши'изма в Иране	350
Библиография	377
Классики марксизма-ленинизма	—
Общая литература	—
К введению и главам I и II	381
К главе III	383
К главам IV—VII	384
К главам VIII и IX	385
К главам X и XI	386
К главе XII	388
К главе XIII	390
Сокращения	393
Принятая в указателе транскрипция арабо-персидской графики	394
Указатель восточных слов и терминов	395

Петрушевский Илья Павлович

Ислам в Иране в VII—XV веках

Курс лекций

Редактор Л. А. Стопцова

Техн. редактор Н. А. Елизарова Корректоры И. А. Симкина, В. А. Комлеев

Сдано в набор 7 IX 1965 г. М 52758. Подписано к печати 30 XI 1966 г

Уч.-изд. л. 28,3. Печ. л. 25. Бум. л. 12,5. Формат бум. 60×90¹/16.

Тираж 2320 экз. Заказ 107. Цена 1 р. 08 к. (в переплете)

Тематический план 1966 г., № 158.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград, В-164, Университетская наб., 7/9.